В памяти живы воспоминания о военном и послевоенном периодах моего детства. Мал был, да удал – есть о чём рассказать. И если не сейчас, то когда?

Дети войны

...Мне не было и годика, когда началась война. Старшему братику, Витеньке почти пять лет. Сестричке, Зиночке – два с половиной. В общем, настоящая сельская мелкота! А тут... Война!

Папа ушёл на фронт, а мама, мало того, что передовик, так ещё и стахановка, от темна до темна трудилась на элеваторе, на приёмке и отправке зерна. Элеватор размещался на железнодорожном вокзале. Вокзалы же в годы войны приравнивались к стратегическим объектам, их атаковали с воздуха. Бомбёжки – изо дня в день. Таким образом, папа был под пулями и снарядами на фронте боевом, мама под бомбами и осколками на фронте трудовом. А мы, босоногие, холодные и голодные – под неусыпным присмотром нашей старенькой бабушки, папиной мамы. Бабушка у нас была замечательная, мы её очень любили. Она последний свой кусочек нам отдавала, чтобы хоть чем-нибудь побаловать в ту суровую пору.

Но и мы старались её порадовать. Так все родные долго вспоминали забавный случай, как бабушка взяла меня на руки, понесла, а потом в сердцах сказала: «Ох, до чего ж ты тяжеленный-то стал, не дотащишь ведь тебя! Все руки оборвёшь». Но дотащила... К тому же, я ей тогда торжественно пообещал: «Бабушка, когда вырасту, стану сильным, то тебя тоже на руках носить буду». Она так обрадовалась, обняла меня, прижала, расцеловала. Вот только не дожила наша бабуля то того дня, когда бы я выполнил своё обещание. А ведь это было бы вполне реально, тем более, когда стал я чемпионом и рекордсменом республики по тяжёлой атлетике.

Как тебя называть?

Любопытный факт: бабушка не знала, как меня называть. Запуталась совсем. Это когда я только-только появился на свет. Дело в том, что папа с мамой при рождении записали меня в документах Валентином! Им нравилось это имя. Когда же пришли домой, то старший брат Виктор устроил настоящую истерику: «Не хочу, чтобы мой братик был... Валиком!». – «А как ты хочешь, чтобы мы его назвали?» – поинтересовались мама с папой. «Валеркой!».

После знаменитого полёта Валерия Чкалова, ЕГО громким именем многих новорождённых называли. Жалко стало родителям старшенького сыночка. Незамедлительно решили исправить свою «ошибку». Мама сбегала в сельсовет, чтобы срочно поменяли имя младенцу, но ей там ответили, что это невозможно: «Как записали, так и будет. А дома называйте, как хотите, никому дела до этого нет».

Так и остался я по документам Валентином, а по жизни – Валеркой! Знал бы брат, сколько проблем мне пришлось впоследствии пережить

из-за этого «разночтения» – в документах одно, а в жизни другое! Прихожу, бывало, на почту за гонораром, прибывшим из Москвы на имя Валерий, протягиваю паспорт, а там Валентин. От ворот поворот. Приходилось срочно связываться с Москвой, другого выхода не было.

Однако вернёмся туда, в роковой 1942-й…

Сталинград!

Немцы шли «брать» Сталинград, как раз через наше село Песчанокопское, что в Ростовской области. От нас до Сталинграда – рукой подать! Настрой у них был боевой: вот, мол, Сталинград возьмём, Волгу переплывём, и всё, Русь великая в наших руках! Но… Не тут-то было! В Сталинграде их ждал такой невиданный отпор, что они, кто остался цел, бежали от этого славного, героического города без оглядки. И опять же через наше село. Снова подселились в наших неказистых хатах, в нашем родном селе.

Мама рассказывала, как немецкие солдаты на ломаном русском языке подолгу говорили с ней о своих семьях, где их тоже ждут.

– Зачем мы сюда пришли? Что нам здесь надо?

Вы не поверите, но хорошие немцы в нашем селе остановились – малышню конфетами угощали, в игры разные с нами играли. Вот так они, вроде бы, образумились после Сталинграда. С особым удовольствием, как рассказывала мама, они забавлялись со мной! Они становились в круг, меня выставляли в серединку. Кто-то доставал из кармана конфетку и кричит: на-на-на! Я бегу со всех ног за конфеткой. А тот… её спрятал! Потом другой фашист, с противоположной стороны машет над головой конфетой. Я мчусь туда. Так и бегал по кругу. Они хохочут. Конфетку, в конце концов, всё же я зарабатывал, и не одну. И брату Вите, и сестричке Зине тоже перепадало.

Когда немцы готовились к дальнейшему перебазированию, теперь уже в сторону Курской дуги, то тайно решили, в качестве живого «сувенирчика», прихватить с собой… меня! Благо, соседки спасли, увидев, как меня затискивают в башню танка, заорали во всё горло: «Настя! Настя! Валерку немцы с собой забирают, в танк сажают!». Мама с криком выскочила из хаты, и кинулась под гусеницы уже заведённого танка. Её пытались оттащить, но мама снова кидалась под танк: «Отдайте сыночка!!!». Кидалась до тех пор, пока не выкинули меня, как котёнка, из люка.

Мама потом говорила, что именно тогда, в свои неполные тридцать лет, она поседела! Слёзы градом катились у неё по щекам, когда она мне это рассказывала. До самых последних своих дней она вспоминала этот страшный случай.

Подарок

Закончилась война. Ждём своего папеньку. Последний «треугольничек», солдатское письмо пришло месяц назад из Берлина: «Ждите!» – написал он тогда. И с тех пор – тишина! Все, кто остался жив, вернулись, а его всё нет и нет. Мама вся извелась в догадках: что могло случиться? Куда подевался?

Однажды сидим вечерком за столом. Вдруг лёгкий стук в окно. Обрадовались – приехал! Кинулись к окну – никого! Озадачились. Дверь не открываем, мало ли чего! Через некоторое время, снова осторожный стук в окно, и снова никого. Мама с бабушкой забеспокоились, а я нутром почувствовал, что это папка с фронта вернулся, и шутки с нами шутит. Бегу с проверкой в сенцы, открываю двери и вижу, как он на корточках у подоконника прячется. Я как заору во всё горло: «Папка приехал! Папка!!!». Тут он вышел из засады, схватил меня на руки и стал обнимать, целовать.

Батенька стал подарки привезённые раздавать. Много подарков. Мне пальтишко. Я тут же вырядился в него и стал расхаживать по хате. Вдруг женщины начали шушукаться и тихо похихикивать: «Пальтишко-

то… девчачье! Застёжки-то не в тую-то сторону». Папуля растерялся. Мне стало его жалко. И тогда я забрался на табуретку посреди комнаты, поднял ручонку вверх и провозгласил:

– Девичье, не девичье, а всё равно моё!

И торжественно направился их хаты в сторону сарая.

– Пойду тёлке покажу! – сказал я.

Тёлке моё девичье пальто очень понравилось. Она радостно мычала, мотая головой, отчего уши её шумно трепыхались из стороны в сторону, издавая громкие хлопки, похожие на аплодисменты.

Отъезд

Вскоре папа дал нам команду на подготовку к отъезду в далёкие края. Оказывается, он получил приглашение на работу в Азербайджан. Вот мы и отправились на постоянное место жительства Баку. Отца там уже ждала должность в Министерстве трудовых резервов республики. Оказывается, он уже успел сгонять туда на «смотрины», всё оформить, потому и задержался с возвращением в родные края.

И вот мы приехали в Баку. Поначалу разместились в служебном помещении ремесленного училища №2. Кроме нас там жило ещё несколько семей. Условия, как в песне Высоцкого: «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная!». Был длинный общий коридор, метров пятнадцать. В дальнем углу жили дядя Жора с тётей Мотей. Дядя Жора был у неё, как судачили соседи, приживалой, поскольку законная жена его турнула из дома за пьянки, а тётя Мотя, мать-одиночка, охотно его подобрала. Было видно, что не любила она его, но… дядя Жора работал в охране на мясокомбинате, и, сами понимаете, что охраняем, то и имеем. Тётя Мотя всегда была при свеженьком мясце, при отборной вырезке. А это в те голодные послевоенные годы дорогого стоило.

Так вот, про уборную… Дядя Жора раз по десять за ночь вставал и шлёпал в туалет через весь коридор в здоровенных калошах на босу ногу. А они у него бабахали по полу так, что спать невозможно. Вот так мы и жили, неплохо дружили. По вечерам наши родители дружно усаживались в коридоре за стол, играли в дурака, козла. А мы, дети, очень радовались, когда ТВОИ становились победителями.

Друзья

У меня были друзья Вовка-большой, Вовка-маленький и Вовка-басин. Большой и маленький понятно, а басин… У него маму звали Бася. Но самыми неразлучными были Алик и Толик. Мы погодки, учились в одном классе. Сделав уроки, убегали гулять в соседнюю «американку», так назывался жилой массив с типовыми деревянными домиками. Причём там Америка, так и осталось для меня загадкой. Но именно в «американке» прошли лучшие денёчки нашего детства.

Самое яркое воспоминание, естественно – первая любовь! Причём, одна на троих! В одном из палисадников «американки» мы увидели божественной красоты девочку, нашу ровесницу, в беленьком платьице и с книжечкой в руках. Она сидела на лавочке, и на нас не обращала внимания. Мы специально ходили туда-сюда, а она ни разу глазом не повела! Нужно было что-то предпринимать. Остановились у её сетчатого забора, уставились на неё.

– Девочка, можно вас спросить? – проявил активность Алик.

– Ну спросите, – сказала она безразлично, не отрываясь от книги.

– Что вы читаете, что даже на нас внимания не обращаете?

Девочка оценивающе поглядела.

– Я читаю книгу Ивана Сергеевича Тургенева.

– Мы его в школе проходим! – хором сказали мы.

Девочка сделала паузу, а потом назидательно и сказала:

– Тургенева не ПРОХОДИТЬ, его читать надо, вникать, – она сделала небольшую паузу, – там ведь такой кладезь размышлений о жизни.

Она как учителка разговаривала, хотя по возрасту была ровней с нами. Мы опешили от такого нравоучения. Очень серьёзная девочка.

– Как вас зовут? – чуть ли не хором выпалили мы.

– Вам это зачем? – отложив книгу в сторону, спросила она.

– Хотим дружить. Ведь мы соседи.

– Логично, – улыбнулась она, – меня зовут Сигуняева Грета.

Мы тоже поочерёдно представились.

И вот что удивительно – фамилия и имя этой девочки запомнились на всю жизнь! Хотя после того раза мы ни разу не виделись. Порою имя ближайшего соседа по лестничной площадке не можешь вспомнить, хотя видишься с ним каждый день. А тут… Загадка! Грета-Грета, где ты? Да и Алика с Толиком давным-давно потерял. Жаль.

Пионерлагерь госучереждений!

Так назывался наш пионерский лагерь, куда мы с сестрой и братом на всё лето выезжали. Теперь-то я понимаю, что это был самый престижный пионерский лагерь. Но мне очень нравились названия лагерей «Лениннефть», «Сталиннефть», «Орджоникидзенефть». В Баку было много нефтеперегонных заводов, они носили имена вождей, ну и лагеря, соответственно, тоже.

Наш лагерь располагался в Бузовнах у самого Каспийского моря. А на возвышенности недалеко была дача первого секретаря компартии Азербайджана Мирджафара Аббасовича Багирова – ближайшего соратника Сталина! Ежевечерне, на линейке, перед отходом ко сну, мы хором по команде во всё горло скандировали: «Спасибо великому Сталину, за наше счастливое детство!». И тут же вслед за ещё: «Мирджафар Аббасович Багиров эшг олсун!». Что в переводе означало: «Багирову – слава!» Когда я во всё горло орал эту здравицу, то поглядывал на балконную дверь дачи Багирова, в надежде, что вдруг он услышит МОЙ крик, выйдет на балкон и помашет рукой. Но, увы, этого не случилось.

И ещё из лагерных воспоминаний. Отец приезжал к нам на уродливом, как мне тогда казалось, трофейном автомобиле, с непонятным названием «Мерседес». Одна недоделанная трёхконечная звезда на капоте чего стоила! И отстёгивающийся багажник, как сундук! Как я завидовал Вовке Сидорову! Его папа приезжал на «Победе». Вот это автомобиль!

Кто ударил Сталина?

Однажды соседка тётя Соня, вся в слезах, забежала к нам в комнату с криком: «Настя, Настя, Сталина паралич ударил! Включай скорей радио!».

– Иди, погуляй, – сказала мне мама.

Я тихонько удалился, и стал в тревоге соображать, кто такой этот Паралич, который осмелился на товарища Сталина руку поднять?! Как же это возможно, СТАЛИНА! УДАРИТЬ! Зашёл в кабинет, размахнулся, и… Все, снова война начнётся.

Но скоро я всё понял: и «кто такой» этот ПАРАЛИЧ, и какова цена его удара. В день похорон товарища Сталина школьники со всего города стояли в длиннющей очереди на улице Чкалова, чтобы посетить музей ушедшего от нас вождя. Не один час простояли, но были очень рады, что увидели все экспонаты музея, послушали историю его героической жизни и борьбы за свободу и справедливость.

Примечательно, что за год до этого нас водили на экскурсию в старинную Баиловскую тюрьму. Там была мемориальная камера-одиночка, в которой в начале прошлого века сидел Иосиф, сын Виссариона Джуга. Так вот, мне посчастливилось не только присесть на те мемориальные сталинские нары, но даже… прилечь на них! Мол, знай наших! Полежал минутку! Чем потом долго гордился. Примечательный факт биографии, между прочим, что и говорить.